

Отражение общественно-исторической реальности в народных преданиях русских старожилов Забайкалья

Елена Леонардовна Тихонова,

доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ.
E-mail: tipldk@yandex.ru

В статье анализируются предания о заселении и освоении русскими Забайкалья с точки зрения отражения в фольклорных текстах процессов изменения окружающей действительности в связи с масштабным историческим событием — народной колонизацией Сибири. Исторические предания, как порождения массового фольклорного сознания, отражают кризисные моменты в жизни социума, а также наиболее значимые для него в тот или иной отрезок времени процессы трансформации общественно-политической, исторической жизни. Для русских старожилов Забайкалья таким процессом, безусловно, является присоединение Сибирского региона к Российскому государству, о чём свидетельствуют фольклорные записи XX — начала XXI в. В статье приводится характеристика этапов заселения и освоения Сибири, прослеживаются осмысление и оценка этих событий, нашедших отражение в народной прозе, современными исполнителями преданий. На основе материалов исследователей жизни и быта русских Забайкалья выделяются мотивы добровольного и вынужденного переселения. Акцентируется внимание на мотиве трудности освоения новой территории, на «культе труда». Устанавливается, что основным средством передачи и оценки информации в преданиях о заселении края является образ первопоселенца, основополагающим принципом при создании которого становится осмысление его как исторически реального лица. В преданиях старообрядцев-семейских Забайкалья прослеживается мотив основания селения одной семьёй. Делается вывод, что фольклорное сознание отражает важные с точки зрения носителей традиции процессы в жизни народа, и эти процессы получают в фольклорных текстах аксиологическую оценку.

Ключевые слова: фольклор, Сибирь, исторические предания, образ первопоселенца, трансформация исторической реальности.

Reflection of Sociohistorical Reality in Folk Legends of Russian Old Residents of Transbaikalia.

Elena Tikhonova, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS, Ulan-Ude, Russia. E-mail: tipldk@yandex.ru.

The paper analyses folk legends about the settlement and development of Transbaikalia by the Russian people from the point of view of the processes

of changing the reality in connection with a large-scale historical event — the national colonization of Siberia. Historical legends, being a product of mass folklore consciousness, reflect the crisis moments in the life of the society as well as the most significant transformation processes of socio-political, historical life of the society in a particular historical period. The folk records of the twentieth and early twenty-first centuries indicate that the annexation of the Siberian Region to the Russian State was a very important event for the Old Believers of Transbaikalia. The paper describes all periods of settlement and development of Siberia, studies and evaluates the events which have been reflected in folk poetry by modern contemporaries. Based on the materials about life and daily routine of the Russian people in Transbaikalia, the motives of voluntary and forced resettlement are distinguished. Special attention is paid to the difficulties of the development of a new territory and to “the cult of work”. It is revealed that the main source of communication and evaluation of information in the legends about the region settlement is the image of the first settler who is depicted as a historically real person. In the legends of the Old Believers of Transbaikalia the motive of formation of the settlement by one family is observed. It is concluded that the folk consciousness reflects important processes of people’s lives significant for the representatives of the tradition, and these processes get axiological evaluation in folklore texts.

Keywords: folklore, Siberia, historical legends, image of the first settler, transformation of historical reality.

Устные народные исторические рассказы, или предания, — это фольклорный жанр, своим имманентным свойством имеющий обращённость в прошлое. Он сформировался в глубокой древности, являясь, по словам Н.А. Криничной, «едва ли не единственным из эпических жанров, который сопутствует человечеству на протяжении всего его развития» [6, с. 4]. Также одним из основных жанровых свойств преданий является их установка на достоверность сообщаемого. Соответственно, предания, повествуя о прошлом той или иной социальной группы, фокусируют своё внимание на исторических событиях, значимых для общества и воспринимаемых исполнителями и слушателями как действительно происходившие. А поскольку данные события, как правило, содержат трансформирующий жизнь людей заряд, исторические предания в силу функционального назначения — информативно-мнемонического — отражают процессы, изменившие общественно-историческую реальность той или иной эпохи.

Исходя из способа осмысления прошлого носителями фольклорного знания, специфики фиксации представлений о прошедших событиях, предания могут принимать либо форму предания-мифа (например, миф о тотемном первопредке был одновременно и древнейшим преданием о происхождении конкретного человеческого рода), либо форму исторического предания (с условно историческим содержанием). Исторические предания, являясь продуктом условно исторического сознания людей, несут в себе знание истории (чаще квазиистории) конкретной социальной общности, но, что самое главное, выступают как один из способов осмысления и истолкования

исторического, социального опыта. «Каждая социальная и национальная общность, — пишет А.В. Леопа, — обладает определённым кругом исторических представлений о своём происхождении, важнейших событиях в своей истории, деятелях прошлого, о соотношении своей истории с историей других народов и всего человеческого общества» [7, с. 25]. В устной традиции эти представления оформляются прежде всего в исторические предания. Именно рассказы о прошлом своего народа/этноконфессиональной группы дают современным исполнителям и слушателям конкретное представление о живой связи времён, позволяют оценить прошлое (как правило, со знаком «плюс») и настоящее (как правило, со знаком «минус»).

Исторические предания, как порождения массового фольклорного сознания, не могли не отражать кризисные моменты в жизни социума (войны, восстания, неурожаи и голод), а также наиболее значимые для того или иного периода общественно-политические и исторические преобразования (раскольническое движение, завоевательные походы в Сибирь и на Дальний Восток, присоединение и освоение новых земель и, как следствие, новые межэтнические контакты). Трансформационные процессы в жизни людей, осмысленные современниками и переосмысленные последующими поколениями, получили своё отражение в устных исторических рассказах русского населения Забайкалья. Цель данной статьи — содержательный анализ фольклорных текстов, повествующих о важных исторических событиях, повлёкших за собой преобразование общественно-исторической реальности определённой эпохи, и выявление способов отражения и оценки его процессов.

Отметим, что народная память избирательна, и фольклорная традиция, как правило, сохраняет факты, значимые или интересные для человеческого сообщества. На внимании к прошлому, зачастую способному пролить свет на настоящее, держится традиция бытования устных преданий. Этому жанру изначально присущи «концентрация исторического опыта», исторических знаний и трансляция их во времени. В продолжение данной функции тексты исторического содержания осуществляют, как это очень удачно сформулировал немецкий учёный Ян Ассман, «коммуникативное и культурное воскрешение прошлого» [1, с. 49]. А интерес к прошлому, как известно, не появляется ниоткуда, он продукт человеческой культуры. Отсюда закономерны вопросы: насколько глубоко простирается интерес к своему прошлому у русских, проживающих в иноэтническом окружении (Республика Бурятия), и какие основные исторические события (и почему именно они) получили отражение в их фольклорной традиции?

Фольклорные записи XX — начала XXI в., произведённые в Забайкалье, свидетельствуют о более широком бытовании (по сравнению, например, с историческими песнями) и лучшей сохранности в репертуаре русских старожилов исторических преданий о заселении и освоении русскими территорий за Байкалом. События, связанные с присоединением и освоением Сибирского региона, легли в основу как летописных повестей (Кунгурской, Есиповской, Строгановской, «Истории сибирской», составленной С.У. Ремезовым), так и устных рассказов, часть из которых со временем, подвергнувшись семантической перекодировке, трансформировалась в предания. Последние

составили сюжетно-тематический цикл о заселении и освоении края, ставший основой репертуара преданий у русских старожилов Забайкалья. И это не случайно. Нельзя отрицать, что одним из самых крупных событий, повлиявших на общественно-историческую жизнь российского общества XVII—XVIII вв., стало присоединение к государству Сибирского и Дальневосточного регионов. Именно о том, как шло заселение и освоение новых земель, кто и почему оказался вдали от родины, с какими трудностями сталкивались первопоселенцы, как характеризовались их взаимоотношения с аборигенами края, повествуют исторические предания русских старожилов Забайкалья.

Чаще всего эти произведения принадлежат к кругу так называемой местной истории, поскольку выражают историческую память локальной этнической группы, а память, как сформулировал Ян Ассман, «нуждается в месте, стремится определиться в пространстве» [1, с. 40]. Локализация памяти а priori определяет её содержание: что произошло в этом месте? к чему это привело? почему нам нельзя об этом забывать? Исторические предания русского населения Забайкалья содержат своеобразные ответы на эти вопросы, отражая процессы кардинальных трансформаций общественно-исторической реальности эпохи народной колонизации Сибири.

Как мы уже отмечали выше, присоединение к России лежащих за Уралом территорий имело огромное историческое значение, кардинально меняло жизнь многих тысяч людей, как россиян, так и автохтонного населения. Территория Сибири, более чем в два раза превышающая размеры европейской части России, во второй половине XVI в. стала целенаправленно заселяться русскими. В XVII в. началось освоение Восточной Сибири. «Когда слухи о богатстве прибайкальских земель, — пишет А.И. Голенкова, — дошли до государевой столицы, из Енисейска один за другим двинулись на восток отряды казаков. Там, где побывали они, начиная с тридцатых годов XVII века, вырастали остроги: Илимский, Усть-Кутский, Тутурский, Братский, Верхоленинский» [3, с. 18]. В 1666 г. на высоком берегу р. Уды, вблизи её впадения в р. Селенгу, селенгинскими казаками из отряда Гаврилы Ловцова был заложен Удинский острог, вокруг которого и вырос г. Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ). На Байкале русские первопроходцы появились несколькими десятилетиями ранее. В «Историческом обозрении Сибири» П.А. Словцов писал: «Начнём тем, что русские не прежде 1643 г. спознались с Байкалом» [9, с. 132].

По свидетельству исследователя-краеведа В.Г. Шестакова, освоение Сибири представляло собой сложный и своеобразный процесс. Его особенность состояла в том, что огромная территория с малочисленным населением была присоединена к России без применения сколько-нибудь значительных военных сил. В подавляющем большинстве случаев отряды первопроходцев исчислялись несколькими десятками человек каждый. Со служивыми часто отправлялись в поход и «промышленные люди». Они сами добывали пушного зверя (охотились), покупали пушнину у аборигенов или выменивали её на алкоголь, безделушки либо промышленные товары. Десятая часть их добычи (десятина) шла в пользу государственной казны. Промышленные люди в дальнейшем составили основную часть купеческого сословия сибирских поселений. Кроме постройки острогов,

военной колонизации, происходило крестьянское освоение земель. В основе оно имело добровольный характер, свидетельствует В.Г. Шестаков [13].

Вслед за правительственной и земледельческой хлынула волна народной колонизации (гулящие и беглые люди, безземельные крестьяне, холопы, преступники). П.А. Словцов в «Историческом обозрении Сибири» задаётся вопросом: «Каким образом, спросят, могли своевольно вторгаться в Сибирь большие ватаги людей?». И тут же на него отвечает: «...воеводы находили свой счёт потворствовать приумножению переселенцев, переселенцы же на местах водворения иногда не прежде были узнаваемы, как когда разрубят леса и подымут пашенные выгоны для вторых или третьих посевов. <...> Отсюда произошли в Сибири починки, также заимки частные и духовные, получившие впоследствии настоящие названия деревень...» [9, с. 271]. Переселенцы нужны были для освоения огромных необжитых территорий.

Со второй половины XVIII в. (о точной дате среди местных историков до сих пор идут жаркие споры) в Забайкалье начинают прибывать старообрядцы. Их селили в русле р. Селенги и её притоков — Уды, Хилка и Чикоя. Переселение в Сибирь осуществлялось вынужденно. При Екатерине II старообрядцев отправляли в Забайкалье как «неблагонадёжных», преступников. Однако это не было прихотью императрицы. В середине XVII в. огромные территории Сибири являлись пустыми, границы с Китаем, Монголией охраняли казаки, на серебряных и золотых приисках работали каторжане. Всех надо было обеспечивать продовольствием. Эту задачу Екатерина возложила на «польских колонистов» [10].

С середины XVIII в. вплоть до Октябрьской революции процесс заселения Сибири, в том числе и Забайкалья, усложнился, начали развиваться также внутренние миграции. Стал более сложным и состав населения городов и посёлков: преобладали ссыльные и осевшие каторжники, отбывшие срок наказания. О том, что Сибирь ещё в середине XVII в. превратилась в край ссылки и каторги, писал в «Историческом обозрении Сибири» П.А. Словцов: «До 1653 г. имя Сибири было символом богатства и пышности, местом предприимчивости и счастья; но с этой поры, для уменьшения как бы очарования, велено [Указ 20 октября 1653 г. в П.С. Законов] воров и разбойников, присуждённых к отсечению перста левой руки, отсылать в Сибирь» [9, с. 144].

Вместе с тем продолжалось и добровольное заселение земель вокруг Байкала. Начала расти промышленная добыча железа, золота, серебра, олова, свинца, соли. Появились рабочие поселения — прииски, рудники. Развивалась строительная индустрия. В XVIII в. стали прокладываться дороги между острогами, что способствовало ещё большему заселению Байкальского региона. В середине XVIII в. был проложен знаменитый Московский тракт, вдоль которого ставились зимовья, деревни, почтовые станы. Во второй половине XIX в., после отмены крепостного права, происходило переселение крестьян из ряда европейских областей России в связи с нехваткой там земель. Большим скачком в освоении и заселении Сибири послужило строительство Транссибирской железной магистрали, которое продолжалось с 1891 по 1916 г. [13].

С самого начала освоения Прибайкалья и Забайкалья правительство проводило на этих территориях вполне мирную политику. Рекомендовалось первопроходцам в отношении коренного населения действовать без насилия и грубого нажима, «ласкою» и «добротой», что влияло на складывание в основном добрососедских отношений с аборигенами [13]. Об этом же свидетельствует в начале XIX в. и П.А. Словцов: «Россия явилась среди забайкальских тунгусов и бурят колена монгольского с лучшим и благороднейшим правом, чем Батый на Волге или Днепре, явилась с предложением дружбы, торговли и благоустройства, с воззванием к истине от басней тибетских» [9, с. 206].

Таким образом, целью начального движения русских в Восточную Сибирь было стремление приобрести промысловые области, воспользоваться пушным богатством, включить в состав государства новые ясачные территории, найти источники драгоценных металлов (золота и серебра), проложить кратчайшие пути в Китай. Решающую же роль в закреплении этого края, как свидетельствует В.Г. Шестаков, сыграло не промысловое, а крестьянское заселение Восточной Сибири [13]. Также отмечая главную роль крестьян-земледельцев в освоении данной территории, известный исследователь Восточной Сибири В.Н. Шерстобоев писал: «Не поиски пушнины, не разведки серебряных жил и золотых россыпей, не промысловая, торговая или промышленная колонизация Сибири, а сельскохозяйственное освоение её является стержнем экономического развития Сибири. Оно закрепило победу казаков, заставило местные народы сложить оружие, воспринять земледельческую культуру русского крестьянства и навсегда сделало сибирские пространства неотъемлемой частью России. Истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а пашенные крестьяне. Именно они быстро и навсегда решили вопрос — быть ли Сибири китайской, японской, английской или русской. Внутри дорусской Сибири не было сил, способных объединить её разноплеменное население в самостоятельное целое. Местные народы неизбежно должны были соединить свою судьбу с судьбами большого народа. Таким народом по праву явился русский народ. А так как в те времена подлинной сердцевиной его были крестьяне, то, естественно, что крестьянство оказалось главным фактором превращения Сибири в русский край, а по составу населения — даже более русский, чем были некоторые доуральские и приволжские области» [12, с. 3—4].

Такова историческая реальность, в том или ином виде получившая отражение в народной прозе русских Забайкалья (ныне Дальневосточный федеральный округ) о заселении края. Предания отражают (в рамках фольклорного сознания их создателей) процессы трансформации общественно-исторической жизни предков, осмысливают историю присоединения Сибирского региона к Российскому государству. В основе устных исторических преданий лежит, таким образом, не собственно историческое знание, добываемое путём научного познания, а условно историческое (фольклорное со-знание), передаваемое из уст в уста от поколения к поколению.

Рассказы русских старожилов об основании сёл и деревень, о первопоселенцах отличаются наличием архаичных форм, достаточной полнотой

известных фольклорной традиции сюжетов и мотивов: основание селений одним, двумя или группой поселенцев; добровольное, вынужденное или насильственное переселение; первая встреча русских переселенцев с бурятами и т.д. И всем этим мотивам сопутствует аксиологическая составляющая.

Основным средством передачи условно исторической информации в преданиях является художественный образ. В устных исторических рассказах о заселении и освоении края это образ первопоселенца. Герои преданий, записанных на территории современной Бурятии, представляют различные социальные группы первопоселенцев: 1) казаки, по болезни или по старости ушедшие из отрядов первопроходцев и осевшие на новых землях, а также казаки, специально присланные для охраны создаваемых острогов и пустившие корни на новом месте; 2) ссыльные, которые в наказание отправлялись «на житьё в Сибирь», а также сосланные на поселение после отбывания каторги; 3) добровольные переселенцы, ищущие в Сибири свободные земли; 4) старообрядцы (в Забайкалье — семейские), которые бежали от преследований и притеснений со стороны властей и официальной церкви или насильственно переселялись; 5) дезертиры, скрывавшиеся в Сибири от службы в армии; 6) монахи, живущие около целебных источников, где со временем вырастало поселение. Мы выделили основные типы образов, характерные для преданий о первопоселенцах-сибиряках. Это те персонажи, которые, добровольно или вынужденно изменив свою жизнь, в совокупности повлияли на исторический процесс (здесь уместно вспомнить о роли народных масс в истории) и сами попали в устную историю.

В роли основателей селений в преданиях выступают как добровольные переселенцы, так и бывшие каторжане, ссыльные. На данном обстоятельстве (тип переселения), как правило, делается акцент, значит, рассказчикам оно небезразлично. На повествовательном уровне это выражается в наличии мотивов добровольного или вынужденного переселения.

Например, к преданиям о добровольном переселении в Забайкалье относится повествование П.П. Фалелеева, 1897 г.р.: *«Одно время шли сюда на переселение добровольно с Западной России. Сначала пришёл сюда Филимон Фалелей»* (зап. от Фалелеева П.П. 1897 г.р. в с. Малый Куналей Бичурского района РБ в 1960 г.) [11, с. 168]. Из другого предания, также записанного в с. Малый Куналей Бичурского района Республики Бурятия, мы узнаём о первопоселенце Фалелее чуть больше: *«Пришёл татарин Фалелей, поженился. Фалелеевы пошли. <...> Потом другие понаехали»* (зап. от Панова Л.Д. 1892 г.р. в с. Малый Куналей Бичурского района РБ в 1960 г.) [11, с. 167].

В преданиях, содержащих мотив добровольного переселения, как правило, конкретизирован социальный статус поселенца (крестьянин, скотовод, мастеровой человек), а также его национальная принадлежность, если известно, что он был не русским. В Бичурском районе Республики Бурятия записано несколько текстов преданий, в которых упоминается семья первопоселенцев Смолиных — выходцев *«из бурят ли, с монголов ли»*, которые крестились и «смешались» с русскими. Но память о том, что род Смолиных имеет монгольские корни, сохраняется: *«Смолины — монголы,*

перекрестились» (зап. от Кавизина Ф.К. 1900 г.р. в с. Малый Куналей Бичурского района РБ в 1960 г.) [11, с. 169—170]; *«Прежде нас тут Смолины были. Они из бурят вышли, ну, там, смешались»* (зап. от Каурова А.Р. 1883 г.р. в с. Малый Куналей Бичурского района РБ в 1960 г.) [11, с. 166]. Таким образом, наряду с русскими переселенцами, основателями с. Малый Куналей Бичурского района Республики Бурятия местные жители считают и «монгола Смолина», и «татарина Фалелея» (важна историческая справедливость — не только русские осваивали новые территории, основывали поселения).

В русских преданиях наряду с мотивом добровольного переселения в Сибирь присутствует и мотив вынужденного/насильственного пребывания там. Как правило, в роли основателей селений во втором случае выступают ссыльные или отбывшие срок каторжники. *«Мы все — ссыльные. Нагрешит чо, его сюда и ссылают»* (зап. от Кавизина Ф.К. 1900 г.р. в с. Малый Куналей Бичурского района РБ в 1960 г.) [11, с. 169—170]. Подобный тип повествования представляет также предание «О названии „Читкан“». Объясняя происхождение названия с. Читкан Баргузинского района Республики Бурятия, Л.Т. Зверьков 1887 г.р. рассказал: *«Старики говорят так: раньше никакого села не было, раньше за Байкалом ничо не было — тайга. И вот появился, говорят, какой-то читинский. В старое время ссылали людей, они церкви строили, загоняли их сюда. И один читинский был, пожил, облюбавал место. <...> И облюбавал себе место, халуну построил, старики говорели, и стал жить, так Читкан и пошёл — читинский жил»* (зап. от Зверькова Л.Т. 1887 г.р. в с. Телятниково Баргузинского района РБ в 1982 г.) [11, с. 180]. В данном случае акцент делается не на фамилии, а на той местности, откуда ссыльный прибыл, — «читинский». Как видим, в преданиях транслируется информация о том, что важно для носителей фольклорного «со-знания» — социальный статус первопоселенца, его национальность, место, откуда он прибыл. Важно это не только с информативной, но и с аксиологической точек зрения.

Время появления русских в Забайкалье в преданиях, как правило, указывается приблизительно: *«Малому Куналею почти триста лет. Русские его образовали»* (зап. от Фалелеева П.П. 1897 г.р. в с. Малый Куналей Бичурского района РБ в 1960 г.) [11, с. 168]; *«Потом мы появились, лет триста назад»* (зап. от Каурова А.Р. 1883 г.р. в с. Малый Куналей Бичурского района РБ в 1960 г.) [11, с. 166]; *«Первыми пришли в Бичуру три фамилии: Кирюхановы, Белых и Петровы, лет триста пятьдесят назад»* (зап. от Белых А.С. 1898 г.р. в с. Бичура Бичурского района в 1960 г.) [11, с. 167—168]. Предания, из которых приведены примеры, записаны во время экспедиции в Бичурский район Республики Бурятия в 1960 г. Нетрудно сосчитать, что в народной традиции появление русских в Забайкалье осмысливается второй половиной XVII в., т.е. на 100 лет раньше, чем на самом деле. И здесь важно понимать, что это не банальное незнание истории, не искажение исторических фактов, а их фольклорное переосмысление: главное, не когда точно появились русские в Забайкалье, а *как долго* они живут на его землях. Это то, что мы называем фольклорной традицией. Б.Н. Путилов сказал по данному поводу: «И происходит это (трансформация, „выворачивание“ реальности,

по словам Б.Н. Путилова. — *Е.Т.*) не от незнания реальности, не от капризов устной молвы и даже не от преднамеренных идеологических заданий, не от сознательных устремлений отдельных лиц или коллективов, а в силу природы фольклора, его сущности, коренных законов его жизни» [8, с. 52].

Время появления русских в Забайкалье может осмысливаться и через смену поколений, что особенно характерно для генеалогических преданий старообрядцев-семейских, повествующих о родословной тех или иных семей, сосланных в Сибирь «за веру» [см.: 15, с. 74—77]. Осмысление времени основания населённого пункта (а следовательно, и времени появления здесь семейских) через свою генеалогию встретилось в предании, записанном в Мухоршибирском районе Республики Бурятия в 2000 г.: «*Пришёл сюда Никита какой-то с пятью сыновьями. <...> Один из его сыновей был моим дедом. Это я маленькая была, дед Дорофей рассказывал, а ему, наверно, в то время девяносто лет было. Вот и считайте, сколько лет Никольскому*» (зап. от Леоновой М.П. 1934 г.р. в с. Никольское Мухоршибирского района РБ в 2000 г.) [11, с. 176—177]. Время основания с. Хасурта Хоринского района Республики Бурятия также осмысливается информантом через возраст её предка: «*Но сколько яму (дедушке информанта. — Е.Т.). В тридцать седьмом году забрали, семьдесят восемь лет. Считай, сколько лет тому назад это было? Семьдесят восемь да вот сейчас сколь... с тридцать седьмого года сколь годов прошло? (Ну, где-то 63 года — соб.) Шестьдесят да семьдесят восемь. Ну вот, считай. Это деревня уже сто пятьдесят, сто пятьдесят уж годов. Это дедушка говорил. <...> Ну, дак он-то, только слышал-то он ешо от дедов-прадедов*» (зап. от Мартыновой Ф.К. 1924 г.р. в с. Хасурта Хоринского района РБ в 2001 г.) [Личн. арх. автора]. Отсылка к старикам в преданиях является аксиологической составляющей: старики — это авторитет, их мнение непререкаемо, а знания незыблемы. На этом стоит фольклорная традиция.

Устное словесное искусство (осваивающее действительность, как и любое другое искусство, прежде всего эстетически) через фольклорное сознание отражает те процессы, которые имеют большое значение в жизни народа с точки зрения носителей традиции, и эти процессы получают в фольклорных текстах аксиологическую оценку. В подтверждение этой мысли И.А. Голованов пишет: «Специфика эстетического отношения к действительности в искусстве состоит в качественно иной роли субъективного фактора: в отличие от научного познания искусство в большей мере ценностно, чем познавательно. Если в научном познании важна истинность, то в искусстве — аксиологичность» [4, с. 46].

Показательными в этом отношении являются предания старообрядцев-семейских. И в архивных материалах, и в живом бытовании во время недавних фольклорных экспедиций к ним мы обнаруживали и фиксировали народные рассказы о том, как семейские появились в Забайкалье, как образовывались населённые пункты, кто были первыми поселенцами, кто жил на этой земле до прихода русских.

Наиболее традиционным из всех мотивов, структурирующих тексты преданий о заселении семейскими Забайкалья, является мотив основания

селения одним первопоселенцем. Однако специфика его образа заключается в том, что на новое место жительства он прибывает с семьёй (ссылали семьями). В преданиях же других групп населения Сибири первопоселенец (как правило, это ссыльный или беглый каторжник, реже — добровольный переселенец) сначала основывает поселение, а затем уже обзаводится семьёй и т.д. Таким образом, в семейских преданиях мотив основания селения одним первопоселенцем трансформируется в мотив основания селения одной семьёй (представленной, конечно же, её главой). «Слепневская фамилия переселена сюда из Самары. Сосланы за религию, слышал, поди, про раскольников-то. Когда Иван Слепнев со старухой приехали сюда (в Бичуру. — Е.Т.), здесь жили одни буряты да монголы» (зап. от Слепнева М.Ф. 1882 г.р. в с. Бичура Бичурского района РБ в 1960 г.) [11, с. 165—166]; «Пришёл сюда Никита какой-то с пятью сыновьями. Пять сыновей у него было...» (зап. от Леоновой М.П. 1934 г.р. в с. Никольское Мухоршибирского района РБ в 2000 г.) [11, с. 176—177]. Самоназвание «семейские» рассказчики также объясняют тем фактом, что их предков ссылали семьями: «...нас прозвали то, что семьями ссылали» (зап. от Ефимовой У.В. 1936 г.р. в с. Тарбагатай Тарбагатайского района РБ в 1998 г.) [11, с. 190—191]; «Вот они шли и семьями, вот за то их и сямейскими и назвали» (зап. от Варфоломеева С.А. 1930 г.р. в с. Никольское Мухоршибирского района РБ в 2000 г.) [11, с. 178—179]; «Приезжали все парами, семьями, значит. Потому и семейские» (зап. от Слепнева М.Ф. 1882 г.р. в с. Бичура Бичурского района РБ в 1960 г.) [11, с. 165—166].

Показательна чёткая хронологическая последовательность, в которой перечисляются прибывшие в Забайкалье фамилии: «Первыми пришли в Бичуру три фамилии: Кирюхановы, Белых и Петровы, лет триста пятьдесят назад. Вторыми — Афанасьевы и Слепнёвы, за ними — Перелыгины и Утенковы, потом — Савельевы и Павловы. После пришли и другие» (зап. от Белых А.С. 1898 г.р. в с. Бичура Бичурского района РБ в 1960 г.) [11, с. 167—168]. Народная память бережно хранит фамилии тех людей, которые первыми прибыли на неосвоенную территорию и, следовательно, испытали большие трудности в освоении новых земель. В народной традиции, как известно, по труду и честь. Поэтому чем раньше прибыла та или иная семья в Забайкалье, тем большим почётом и уважением она пользовалась. Отсюда и строгая фиксация — кто прибыл первым, кто вторым и т.д. Народные предания выступают в данном случае не только трансляторами исторического опыта этноса, но и гарантами исторической справедливости.

Спецификой бытования преданий о первопоселенцах является то, что их носителями очень часто оказываются прямые потомки тех людей, о которых повествует народный рассказ. Не являются исключением и предания о первопоселенцах-старообрядцах: «Первым поселенцем из Китаевых был Китаев Мартын Никитович. Мне он был прадед» [15, с. 318]; «Пришёл сюда Никита какой-то с пятью сыновьями. <...> Один из его сыновей был моим дедом» (зап. от Леоновой М.П. 1934 г.р. в с. Никольское Мухоршибирского района РБ в 2000 г.) [11, с. 176—177].

Эстетический идеал (одним из воплощений которого является предок-первопоселенец для современного рассказчика преданий) в фольклоре всегда связан с трудовой деятельностью человека. «Культ труда», свойственный всей фольклорной (и шире — культурной) традиции этноса, в условиях Сибири периода освоения края становится особенно актуальным. Уже превратилась в «общее место» констатация того факта, что русские переселенцы, оказавшись за Байкалом, испытывали невероятные трудности при обустройстве. Об этом писали почти все исследователи их жизни и быта, начиная с П.С. Палласа, который заключил, что в Забайкалье «кроме кочующих народов, каковы бурета и тунгусы, никакому другому тут жить не можно» [цит. по: 2, с. 24]. Поэтому практически все предания (и не только семейских, но и других русских — старожилов, казаков), повествующие о заселении края, содержат в своей структуре мотив трудности освоения новой территории: *«Тут была тайга непроходимая, место дикое. Людей сюда ссылали, в наказанье, значит. <...> Когда первые строились, даже пилы никакой не было. Топорами рубили избы»* (зап. от Крылова В.Л. 1888 г.р. в Бичурском районе РБ в 1960 г.) [11, с. 168—169]; *«Вот эту избы, в которой мы живём, построил мой дедушка Митрий. Тут везде лес был. Одна только тропушка была из лесу на Грязнуху»* (зап. от Белых А.С. 1898 г.р. в с. Бичура Бичурского района РБ в 1960 г.) [11, с. 167—168]; *«Деды наших дедов пришли сюда — здесь калтус (болото. — Е.Т.) был. Вода была и кочки. Стали корчевать, селились один по одному, а потом расплодился»* (зап. от Сластиной С.А. 1898 г.р. в с. Большой Куналей Тарбагатайского района РБ в 1971 г.) [11, с. 171]; *«Как шли. Чё-то же они везли, с чем-то же они попали. Ведь лес, тайга. <...> А бывало, вот такие пни стоят. Ведь спливали, строились. Тут трясины больша была, да болота была. Строились люди»* (зап. от Чистяковой А.П. 1916 г.р. в с. Десятниково Тарбагатайского района РБ в 1998 г.) [11, с. 191—192]; *«Люди заезжали, всё кругом лес был. Разрабатывали. Рубили лес, рубили дома»* (зап. от Лобозерова П.Т. 1925 г.р. в с. Большой Куналей Тарбагатайского района РБ в 2001 г.) [Личн. арх. автора]; *«А тут был такой лес непроходимый. <...> И они начали рубить. Вот, срубили они этот дом»* (зап. от Зайцевой А.Ф. 1957 г.р. в с. Куйтун Тарбагатайского района РБ в 2002 г.) [Личн. арх. автора].

Если в приведённых выше примерах аксиологическая составляющая текстов (ценность освоения новых земель, невероятные трудности, испытываемые первопоселенцами при этом, — непроходимая тайга, болото, отсутствие необходимых инструментов) присутствует имплицитно, то в следующих преданиях аксиологическая природа фольклорного сознания вырывается наружу: *«Тогда первые заселяли, как вы думаете, легко что ли было?! Кругом тайга. Всякие варнаки ходили. Всё же тоже было. А потом уже стали обживать и строить дома»* (зап. от Леоновой М.П. 1934 г.р. в с. Никольское Мухоршибирского района РБ в 2000 г.) [11, с. 176—177]; *«Сразу Господь тебя благословит, на коня — и поехали. Да в какую глубь заезжали! Вот попробуй сейчас по старой деревне... по старой дороге доберись до Бичуры. Как они добирались, какими тропами шли?! А тропами шли, лошадей за собой. А потом вот это, стали домишки-то, чуть*

поглубже в лес, рядом... они работающие, семейские. Стали рубить домиш-ти» (зап. от Ястреб Г.А. 1929 г.р. в с. Бичура Бичурского района РБ в 2003 г.) [Личн. арх. автора]. Таким образом, в преданиях трудности, с которыми пришлось столкнуться предкам современных старообрядцев-семейских, фиксируются в большей степени с целью показать ценность, значимость процесса освоения новых земель, с одной стороны, а с другой — продемонстрировать невероятную силу духа, трудолюбие предков-первопоселенцев. Поэтому основной составляющей образа первопоселенца-семейского в преданиях о заселении и освоении края является его трудолюбие: *«Сямейских когда сослали сюда, самые трудолюбивые, самые... работали... пашни надо было... Первый раз поселились — жильё построили, дома. А потом начиналось — обрабатывали поля, пашню, сеяли. Вольно было. Воля была, свобода. Чё хотишь, то и делай. Работали»* (зап. от Семёнова Г.Л. 1927 г.р. в с. Большой Куналей Тарбагатайского района РБ в 2001 г.) [Личн. арх. автора]; *«Вот переселялись, сюды заселялись семьями-то, которы вот самые таки, трудолюбивые люди. Это же усё леса были. Корчевали. Вот, может быть, мой прадед уже. Вот оне корчевали, пашни разрабатывали. <...> Щас молодёжь некоторые и техникой не хотят работать, а это корчевали руками, а потом разрабатывали»* (зап. от Болонева С.Х. 1912 г.р. в с. Большой Куналей Тарбагатайского района РБ в 2001 г.) [Личн. арх. автора]; *«Сначала в Польшу Екатерина Вторая сослала нас, туда. А с Польши потом... она почуяла, что в Сибири большие богатства, разработки. Семейски трудолюбивы вроде»* (зап. от Ефимовой У.В. 1936 г.р. в с. Тарбагатай Тарбагатайского района РБ в 1998 г.) [11, с. 190—191].

Таким образом, в преданиях старообрядцев-семейских о трудностях освоения новых земель наличествует удивлённо-почтительное отношение к их предкам-первопоселенцам (*«Как они добирались, какими тропами шли?!»*). Почтение это идёт, в частности, от понимания тех трудностей, которые пришлось преодолеть (*«...как вы думаете, легко что ли было?! Кругом тайга»*). Жительнице с. Большой Куналей Сластиной Соломониде Аверьяновне 1898 г.р. в своё время удалось кратко и по-народному точно и ёмко выразить это понимание: *«Они работали... кони так не работали»* (зап. от Сластиной С.А. 1898 г.р. в с. Большой Куналей Тарбагатайского района РБ в 1971 г.) [11, с. 171]. Благодаря своему трудолюбию и умению рационально вести хозяйство, семейские «оказались самой активной группой русского населения края. Используя весь свой хозяйственный опыт и природную смекалку, конфессиональную корпоративность, они довольно быстро освоились в суровых климатических условиях Забайкалья, успешно развивая хлебопашество, огородничество и скотоводство» [5, с. 19]. Это послужило формированию высокой самооценки семейских, в том числе и выраженной вербально в фольклорных текстах, поскольку именно упорный труд, умение работать на земле являлись в крестьянской среде мерилем ценности и отдельного человека, и всей общины.

Итак, в преданиях русских Забайкалья о заселении и освоении края мы находим отражение исторического процесса, изменившего жизнь целого региона, и в первую очередь — жизнь людей, принявших в нём участие. Можно

сделать вывод о том, что основополагающим принципом при создании художественного образа первопоселенца в преданиях является его осмысление как исторически реального лица. Собираемый образ первопоселенца служит для современных исполнителей преданий способом получения и передачи информации о прошлом (коммуникативно-информативная сторона образа), постижения и осмысления прошлых событий (аксиологическая сторона образа). В преданиях также присутствуют вербальные оценки происходивших исторических событий и их участников современными носителями фольклорной традиции. В рассказах исторического содержания находит отражение тот факт, что фольклорное сознание народа «в большей степени этично, чем теоретично» [7, с. 34].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. 160 с.
3. Голенкова А.И. Следопыты Байкала. М.: Мысль, 1973. 188 с.
4. Голованов И.А. Фольклорное сознание как особый тип художественного освоения действительности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. С. 43—47.
5. Кляус В.Л., Супряга С.В. Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья: Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск: Изд-во Регионального открытого социального ин-та, 2006. 213 с.
6. Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа / отв. ред. А.К. Микушев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. 192 с.
7. Леона А.В. Историческое сознание в условиях социокультурного кризиса. Красноярск, 2011. 178 с.
8. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 239 с.
9. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Т. 1, 2. URL: <http://homlib.com/slovcov-pa-1/istoricheskoe-obozrenie-sibiri> (дата обращения: 10.02.2018).
10. Старообрядцы Забайкалья. История переселения. URL: <https://infourok.ru/staroobryadci-zabaykalya-istoriya-pereseleniya-596284.html> (дата обращения: 05.09.2019).
11. Тихонова Е.Л. Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 220 с.
12. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1949. 596 с.
13. Шестаков В.Г. Очерки и рассказы. Гл. I. Очерк из истории Прибайкалья и Забайкалья // Шестаков В.Г. Я люблю тебя, жизнь. Барнаул: Концепт, 2011. Кн. 3. URL: <https://vgshestakov.livejournal.com/33463.html> (дата обращения: 25.01.2018).
14. Элиасов Л.Е. Народная поэзия семейских Забайкалья // Фольклор семейских / сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский; под общ. ред. Л.Е. Элиасова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. С. 5—21.
15. Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. II. Народные предания. Улан-Удэ, 1960. 480 с.
16. Личн. арх. автора.

REFERENCES

1. Assman Yan. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Translated from German by M.M. Sokol'skaya. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, 368 p. (In Russ.)
2. Bolonev F.F. *Narodnyy kalendar' semeyskikh Zabaykal'ya (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [The Folk Calendar of the Old Believers of Transbaikalia (the Second Half of the 19th Century — the Beginning of the 20th Century)]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie Publ., 1978, 160 p. (In Russ.)
3. Golenkova A.I. *Sledopyty Baykala* [Pathfinders of Baikal]. Moscow, Mysl' Publ., 1973, 188 p. (In Russ.)
4. Golovanov I.A. *Fol'klornoe soznanie kak osoby tip khudozhestvennogo osvoeniya deystvitel'nosti* [Folk Consciousness as a Special Type of Artistic Acquisition of Reality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 22 (160), Filologiya. Iskusstvovedenie, iss. 33, pp. 43—47. (In Russ.)
5. Klyaus V.L., Supryaga S.V. *Pesenny fol'klor russkoust'intsev Yakutii i semeyskikh Zabaykal'ya: Materialy k izucheniyu bytovaniya v inoetnicheskom okruzhenii* [Folk Singing of the Old Believers of Yakutia and Transbaikalia: Materials for the Study of the Life in Another Ethnic Environment]. Kursk, Izd-vo Regional'nogo otkrytogo sotsial'nogo in-ta Publ., 2006, 213 p. (In Russ.)
6. Krinichnaya N.A. *Personazhi predaniy: stanovlenie i evolyutsiya obraza* [Characters of Legends: Formation and Evolution of the Image]. Executive ed. A.K. Mikushev. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie Publ., 1988, 192 p. (In Russ.)
7. Leopa A.V. *Istoricheskoe soznanie v usloviyakh sotsiokul'turnogo krizisa* [Historical Consciousness in the Conditions of Sociocultural Crisis]. Krasnoyarsk, 2011, 178 p. (In Russ.)
8. Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1994, 239 p. (In Russ.)
9. Slovtsov P.A. *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical Review of Siberia]. Saint Petersburg, 1886, vol. 1, 2. Available at: <http://homlib.com/slovcov-pa-1/istoricheskoe-obozrenie-sibiri> (accessed 10.02.2018). (In Russ.)
10. *Staroobryadtsy Zabaykal'ya. Istoriya pereseleniya* [The Old Believers of Transbaikalia. The History of Resettlement]. Available at: <https://infourok.ru/staroobryadci-zabaykalya-istoriya-pereseleniya-596284.html> (accessed 05.09.2019). (In Russ.)
11. Tikhonova E.L. *Russkie predaniya Vostochnoy Sibiri o zaselenii i osvoenii kraya* [Russian Legends of Eastern Siberia about the Settlement and Development of the Region]. Ulan-Ude, Izd-vo BNTs SO RAN Publ., 2006, 220 p. (In Russ.)
12. Sherstoboev V.N. *Ilimskaya pashnya. T. 1. Pashnya Ilimskogo voevodstva XVII i nachala XVIII veka* [Ilim Arable Land. Vol. 1. Arable Land of the Ilim Voivodeship in the 17th Century — the Beginning of the 18th Century]. Irkutsk, Irkutskoe obl. gos. izd-vo Publ., 1949, 596 p. (In Russ.)
13. Shestakov V.G. *Ocherki i rasskazy. Gl. I. Ocherk iz istorii Pribaykal'ya i Zabaykal'ya* [Essays and Stories. Chapter 1. Essay on the History of Baikal and Transbaikalia]. Shestakov V.G. *Ya lyublyu tebya, zhizn'* [I Love You, Life]. Barnaul, Kontsept Publ., 2011, book 3. Available at: <https://vgshestakov.livejournal.com/33463.html> (accessed 25.01.2018). (In Russ.)
14. Eliasov L.E. *Narodnaya poeziya semeyskikh Zabaykal'ya* [Folk Poetry of the Old Believers of Transbaikalia]. *Fol'klor semeyskikh* [Folklore of the Old Believers]. Compl. by L.E. Eliasov, I.Z. Yarnevskiy, general ed. by L.E. Eliasov. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo Publ., 1963, pp. 5—21. (In Russ.)
15. Eliasov L.E. *Russkiy fol'klor Vostochnoy Sibiri. Ch. II. Narodnye predaniya* [Russian Folklore of Eastern Siberia. Part 2. Folk Legends]. Ulan-Ude, 1960, 480 p. (In Russ.)